

DOI: 10.31857/S013038640017167-1

© 2021 г. Д.В. МИХЕЛЬ, И.В. МИХЕЛЬ

ЭПИДЕМИИ И ИСТОРИЯ: РАЗНООБРАЗИЕ ПОДХОДОВ К ПРЕДМЕТУ

Михель Дмитрий Викторович — доктор философских наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

E-mail: dmitrymikhel@mail.ru

Researcher ID: N-2263-2017

Михель Ирина Владимировна — кандидат философских наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия).

E-mail: irinamikhel@yandex.ru

Researcher ID: G-1568-2018

Аннотация. Проблематика эпидемий все больше привлекает внимание ученых в последние годы. Между тем у истории эпидемий существует обширная историография, которая восходит к творчеству врача Гиппократ и историка Фукидида, описавшего «афинскую чуму». До XIX в. историки следовали в фарватере античных идей, но из-за быстрого прогресса медицинского знания почти утратили интерес к проблематике эпидемий. В начале XX в. вследствие бурного развития микробиологии и эпидемиологии возникла новая форма историографии эпидемий — естественнонаучная история болезни, которую стали развивать врачи-микробиологи, сделавшие предмет своего изучения историю контактов человечества с микробами, а также деятельность «охотников за микробами». Тогда же новое рождение пережила и медицинская история, представители которой стремились доказать врачам полезность изучения древних медицинских текстов. Среди представителей нового поколения медицинских историков со временем появились авторы, внесшие вклад в развитие историографии эпидемий. К концу XX в. в их числе оказалось много врачей-энтузиастов, не связанных профессионально ни с микробиологическими научными центрами, ни с центрами изучения медицинской истории. С 1970-х годов под влиянием ряда факторов к изучению эпидемической проблематики обращается все больше профессиональных историков, для которых история эпидемий — часть истории общества, его социальной, культурной и политической жизни. В последние четверть века наблюдается также и развитие популярной историографии эпидемий, которая стала возможна благодаря активизации различных исследователей-гуманитариев и журналистов, пытающихся придать истории эпидемий более живой и эмоциональный характер. Большое влияние на распространение новых подходов к изучению истории эпидемий в настоящее время оказывают СМИ, обращающие внимание общества на новые угрозы человеческой цивилизации в лице современных эпидемий — птичьего гриппа, атипичной пневмонии, коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: эпидемии, медицинская история, гражданская история, естественнонаучная история болезни, новая медицинская история, современная историческая наука, популярная историография эпидемий.

D.V. Mikhel, I.V. Mikhel

Epidemics and History: Multiple Approaches to the Subject

*Dmitry Mikhel, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).*

E-mail: dmitrymikhel@mail.ru

Researcher ID: N-2263-2017

*Irina Mikhel, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(Moscow, Russia).*

E-mail: irinamikhel@yandex.ru

Researcher ID: G-1568-2018

Abstract. The problems of epidemics have increasingly attracted the attention of researchers in recent years. The history of epidemics has its own historiography, which dates to the physician Hippocrates and the historian Thucydides. Up to the 19th century, historians followed their ideas, but due to the progress in medical knowledge that began at that time, they lost interest in the problems of epidemics. In the early 20th century, due to the development of microbiology and epidemiology, a new form of the historiography of epidemics emerged, namely the natural history of diseases. Simultaneously, medical history was reborn, and its representatives saw it as their task to prove to physicians the usefulness of studying ancient medical texts. Among the representatives of the new generation of medical historians, authors who contributed to the development of the historiography of epidemics eventually emerged. By the end of the 20th century, they included many enthusiasts among physicians. Since the 1970s, influenced by many factors, an increasing number of professional historians, for whom the history of epidemics was an integral part of the history of society. The last quarter-century has also seen rapid growth in popular historiography of epidemics, made possible by the intensification of various researchers in the field of the Humanities and journalists trying to make the history of epidemics livelier and emotional. Nowadays, the media exerts a great influence on the spread of new approaches to the study of the history of epidemics, focusing public attention on the new threats to human civilization in the form of modern epidemics.

Keywords: epidemics, medical history, civil history, natural history of diseases, new medical history, contemporary historical science, popular historiography of epidemics.

Эпидемии всегда играли важную роль в истории человечества. Вся известная нам письменная история, охватывающая последние пять тысячелетий, была историей эпидемий. Каждая новая эпидемия символизировала очередной кризис, охватывавший отдельное общество или целую цивилизацию. Жертвами эпидемий инфекционных болезней становились целые народы. Из-за эпидемий подчас рушились царства, менялся ход войн, серьезно трансформировалась материальная и духовная культура. Слово «эпидемия» (греч. — распространенный в народе) впервые появилось у древнегреческих авторов для описания тех глубоких социальных кризисов, которые были связаны с распространением инфекционных болезней и характеризовались высокими уровнями заболеваемости и смертности, нетипичными для остального времени. Представление о высоте уровня заболеваемости, или «эпидемиологическом пороге», является исторически подвижным. В настоящее время универсальным эпидемиологическим порогом обычно считается величина в 5% для жителей какой-то конкретной территории или социальной группы. Современные представления такого рода основываются на данных медицинской статистики и связаны с расчетами, которые проводят различные медицинские ведомства, занятые противоэпидемической работой. В прошлом, когда медицинскую статистику собирать было некому, такие представления отличались субъективностью и зависели от точки зрения конкретных авторов, свидетельствующих об эпидемии. Несложно догадаться, что эти авторы были чувствительны к тем

кризисным социальным событиям, в ходе которых заболеваемость и смертность в их окружении заметно выростала и воспринималась как социальная проблема. Тот факт, что многие люди заболели и многие умирали, воспринимался этими авторами как вызов конкретному обществу. На него следовало дать ответ — защитить себя от неожиданно явившегося бедствия или, по крайней мере, пережить его.

РОЖДЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ ЭПИДЕМИЙ: ГИППОКРАТ И ФУКИДИД

Древнегреческий врач Гиппократ или кто-то из представителей его школы является автором термина «эпидемия». Однако вопреки тому, что так называется один из его главных трудов, сам Гиппократ практически не оставил свидетельств об эпидемиях. Тем не менее заложенный им метод описания болезней сыграл огромную роль во всей последующей историографии эпидемий, и большинство врачей, прибегавших к документированию эпидемических событий, в той или иной степени следовали следовали подходу, который он предложил. Ввиду своего интереса к опыту древних врачей Гиппократ также считается первым историком медицины в античном мире¹. «Отец медицины» рассматривал медицину как искусство, состоящее из трех элементов: болезнь, больной и врач. Если больной будет на стороне врача, то, объединившись вместе, они смогут победить болезнь. Гиппократ рассматривал всякую болезнь как процесс, у которого есть начало, кризис и конец. Преодолев кризис, больной либо выздоравливает, либо умирает. Иначе говоря, Гиппократ исходил из того, что у всякой болезни есть собственная история. Эта история, патологический процесс, разворачивается в теле больного, поэтому врач, который наблюдает больного и изучает его болезнь, является и историографом болезни. Наблюдение за ходом болезни, ее изучение, по Гиппократу, весьма полезно для развития медицинского искусства, ибо позволяет обогатить свой врачебный опыт и поделиться им с учениками.

Во времена Гиппократа врачи уже обладали богатыми познаниями о болезнях и умели различать их по симптомам — своего рода знакам болезни на теле больного. Однако врачебное искусство требует не только умения диагностировать болезнь, но и лечить, и предупреждать. Для этого было необходимо понимать причины болезни. Подход, предложенный Гиппократом, состоял в том, что он начал мыслить о болезни в категориях причинно-следственных связей. Отказавшись признавать существование у болезни мистических причин, он начал мыслить «физически» и «физиологически», т.е. размышлять о причинах естественных. На этом пути он и сформулировал свой подход к болезни, который позволил ему объяснять их происхождение влиянием окружающей среды. В книге «О воздухах, водах и местностях» он продемонстрировал связь между состоянием здоровья, с одной стороны, и такими факторами, как погода, климат, время года, состояние воды и почвы — с другой. В последующем он использовал свой подход также в сборнике книг под названием «Эпидемии». Основное внимание в этой книге Гиппократ уделил сезонным эндемическим заболеваниям, прежде всего болотным лихорадкам, что встречаются на островах Эгейского моря. Есть у него и описание эпидемического заболевания — рожи, возбудителем которого являются стрептококки. «Ранней же весной, вместе с наступившими холодами, появились многочисленные рожи: у одних от какой-нибудь причины, у других без причин, плохого качества, погубившие много людей... Рожа господствовала особенно весной; однако она продолжалась также в течение лета и до осени» (Эпидемии. III. 3. Пер. В.И. Руднева).

Гиппократ поднял врачебное искусство античного мира на новый уровень, поскольку не ограничился анализом только клинической картины болезни, но и представил «экологическую картину» болезни. Его внимание было направлено не только на знаки болезни на теле, но и на ее предвестия по ту сторону человеческих тел — в атмосфере,

¹ В книге «О древней медицине» Гиппократ заложил основы всей последующей медицинской истории.

водных источниках, почве, безмолвном течении времени. Последнее обстоятельство способствовало становлению особого, медицинского взгляда на историю болезни и формированию пришедшейся по душе врачам медицинской истории.

Подобно тому как Гиппократ считается отцом медицинской истории, Фукидид наряду с Геродотом считается отцом гражданской истории. Он оказался именно тем историком, которому первым среди греков пришлось своими глазами увидеть картину опустошительного эпидемического заболевания, случившегося в начале Пелопоннесской войны. Пережитая Фукидидом болезнь была инфекционным заболеванием, вызвавшим тяжелейшие последствия для его соотечественников. Ничего подобного Афины прежде не знали, и тем более ценным в этом смысле оказывается свидетельство Фукидида.

Описанная Фукидидом эпидемия случилась на втором году Пелопоннесской войны (430–429 гг. до н.э.) и вошла в историю благодаря ему как «афинская чума»². Описание «чумы» Фукидидом стало образцом для последующих поколений историографов, описывающих подобные же события в других странах в другие времена. В своей работе он сосредоточил внимание на таких сюжетах, как размах эпидемии и ее распространение во времени и пространстве (эпидемиологическая картина), особенности течения заболевания на индивидуальном уровне (клиническая картина), социальные, психологические, нравственные и военно-политические проявления эпидемии (социальная картина). Характеризуя размах эпидемии, историк писал: «Столь свирепой чумы и такой смертности среди людей, сколько помнится, не было еще нигде... Как говорят, с самого начала болезнь появилась в Эфиопии, что за Египтом, потом спустилась она в Египет и Ливию и охватила большую часть владений персидского царя. На Афины болезнь обрушилась внезапно и прежде всего поразила жителей Пирея... Впоследствии болезнь достигла и верхнего города, и люди стали умирать уже в гораздо большем числе» (II. 47–48. Пер. Ф.Г. Мищенко и С.А. Жебелева).

Особую значимость у Фукидида представляет предложенная им социальная картина эпидемии. Так, он говорит, что поскольку болезнь была новой и у общества не было проверенных средств против нее, то все известные формы социального ответа на вызов эпидемии были неэффективны. «Дело в том, что врачи были бессильны: первое время они лечили, не зная характера болезни, и чаще всего умирали сами, чем более входили в соприкосновение с больными; да и вообще всякое человеческое искусство было бесполезно против болезни. Сколько люди ни молились в храмах, сколько ни обращались к оракулам и тому подобным средствам, все было бесполезно: наконец, одолаваемые бедствием люди оставили и это» (II. 47. 4).

Кроме того, Фукидид отмечает перемену в социально-психологическом состоянии населения. Отсутствие понимания причин болезни стало поводом для распространения разных нелепых слухов и подозрений, которые тотчас же были направлены против врагов и вообще социально опасных элементов. Наиболее драматическим аспектом социальной картины эпидемии стал распад привычных социальных связей. Он носил вынужденный характер, и жители города старались по мере сил воспрепятствовать этому, стремясь сохранить традиционную социальную солидарность. Но, как свидетельствует автор, болезнь все же оказалась сильнее родственных и соседских уз и разрывала их, следствием чего стал рост социальной апатии и безнравственного поведения. «Самым ужасным в этом бедствии был упадок духа... Так как болезнь слишком свирепствовала,

² Вопрос о природе заболевания, известного как «афинская чума», до сих пор не решен. Его идентифицировали как сибирскую язву, сыпной тиф, оспу, эрготизм, туляремию, лошадиный сап, корь, вымершую форму заболевания или вовсе как выдуманную Фукидидом. В отечественной науке наиболее значимой работой по-прежнему остается: *Алексеев А.Н.* О так называемой чуме в Афинах // *Вестник древней истории.* 1966. № 3. С. 127–142. Более полный перечень литературы и обзор мнений по теме см.: *Hornblower S.* A Commentary on Thucydides. Vol. I. Books I–III. Oxford, 2003. P. 316–318; *Михель Д.В.* Болезнь и всемирная история. Саратов, 2009. С. 30–31.

люди, не зная, что с ними будет, перестали уважать и божеские, и человеческие установления. Все обряды, какие соблюдались раньше при погребении, были попорчены, и каждый совершал похороны, как мог... Теперь каждый отваживался на такие дела, какие прежде скрывались во избежание нареканий в разнузданности... Все желали поскорее вкусить чувственных наслаждений, считая одинаково эфемерными и жизнь, и деньги... Людей нисколько не удерживали ни страх перед богами, ни человеческие законы, так как они видели, что все гибнут одинаково... никто не надеялся дожить до той поры, когда понесет наказание за свои преступления» (II. 51–53).

Наконец, Фукидид упомянул и о военно-политических последствиях эпидемии. Так, афинянам не удалось сломить сопротивление Потидеи, для осады которой они направили наиболее боеспособную часть своего войска. Из-за инфекции, которая распространилась в их лагере, 40% гоплитов умерло. Все это, бесспорно, ослабило возможности афинян перехватить военную инициативу в войне со Спартой (II. 58).

Комплексность описания эпидемии «афинской чумы» с вниманием к самым значимым ее аспектам, эпидемиологическому, клиническому и социальному, позволяют считать Фукидида вслед за Гиппократом родоначальником историографии эпидемий. Его свидетельства о географии и хронологии эпидемии, масштабах заболеваемости и смертности, неудачах афинского общества в выработке эффективного ответа на вызов эпидемии, разнообразных социальных проявлениях эпидемии, включая социально-структурные, психологические, нравственные и военно-политические аспекты, сделали небольшой фрагмент его книги (II. 47–54) парадигмальным для всей последующей историографии, развивавшейся в Европе, как в античную эпоху, так и в последующие времена.

ИСТОРИОГРАФИЯ ЭПИДЕМИЙ ПОСЛЕ ГИППОКРАТА И ФУКИДИДА

На протяжении многих столетий после Гиппократа и Фукидида врачи и историки, писавшие об эпидемиях, следовали моделям описания эпидемий, предложенным классиками. Врачи, для которых история была не главным занятием, а дополнением к их основной деятельности, воспринимали эпидемии сквозь призму гиппократовского учения, в котором делался акцент на клинических проявлениях болезни и роли внешней среды³. В свою очередь, историки, сосредоточенные на проблемах гражданской истории, в наименьшей степени уделяли внимание вопросам клиники, сосредотачиваясь на характере социальных последствий болезни, ее влиянии на психологию общества, нравы, ход военных кампаний, а также на судьбы влиятельных исторических личностей, стран и народов⁴. Общим для врачей и гражданских историков было внимание к демографическим последствиям эпидемий — масштабу заболеваемости и смертности, который, собственно говоря, и являлся главным мерилом эпидемического процесса.

В XIX в. в историографии эпидемий произошли значительные изменения, вызванные прежде всего трансформацией характера медицинского знания. Для большинства врачей медицинская история перестала быть источником вдохновения, и работе в библиотеке они предпочли больницу и лабораторию. Прогресс медицинского знания отныне был обязан достижениям в химии и физиологии, а не штудированию текстов

³ Гиппократовский подход к описанию истории эпидемии угадывается в фрагментарных описаниях «Антониновой чумы» у Галена в «О методе лечения» и других его работах, хотя Ю. Хекер указывает также на родство галеновского описания с опытом Фукидида. См.: *Hecker J.F.C. De peste Antoniniana. Berolini, 1835. P. 18.* Ибн Сина в IV книге «Канона врачебной науки» следует Гиппократу в описании лихорадок, в особенности «моровой лихорадки», оспы и кори.

⁴ В духе Фукидида об истории «Юстиниановой чумы» пишут Прокопий Кесарийский в «Персидских войнах», Агафий Миринейский в «О царствовании Юстиниана», Евагрий Схоластик в «Церковной истории», об истории «Черной смерти» — Маттео Виллани в «Флорентийской хронике», Аньоло ди Тура в «Сиенской хронике» и др.

древних врачей. Знание древнегреческого языка и латыни для врачей становилось обязательным, и поэтому лишь немногие из них могли похвастаться знакомством с подлинниками текстов античных и средневековых авторов.

Очевидные успехи врачей в лечебном деле породили у большинства гражданских историков понимание того, что их участие в воссоздании достоверной истории эпидемий с этого времени стало необязательным. В XIX в. они практически перестали рассказывать о болезнях, оставив это занятие врачам, обладающим новыми знаниями и богатым профессиональным опытом. Их добровольный отказ от изучения проблематики эпидемий был вызван также и тем, что их профессиональная подготовка оставалась всецело гуманитарной и не включала в себя элементы естественнонаучного образования, столь необходимые для компетентного разговора об эпидемиях.

Нет сомнений, что в XIX в. развитие медицинской истории⁵ было обязано, прежде всего, таким личностям, как Э. Литтре и Ш.-В. Дарамбер⁶ во Франции, Ю. Пагель и М. Нойбургер в Германии, У. Ослер в Канаде и США, С.Г. Ковнер в России. Однако эти наиболее известные энтузиасты медицинской истории, знатоки языков и древних текстов, об эпидемиях почти не писали, сосредотачиваясь на истории лечебной медицины. Эпидемическая проблематика стала достоянием исследователей менее известных, но, очевидно, не менее квалифицированных. В Германии ими были Ю. Хекер и Г. Гезер, писавшие об античных и средневековых эпидемиях⁷, в России — А.А. Генрици и Г.Н. Минх⁸, причем российские исследователи помимо прочего участвовали в правительственных мероприятиях по изучению эпидемий⁹.

В целом к концу XIX в. историография эпидемий переживала не лучшие времена. Прошлое человечества с его эпидемиологическими проблемами интересовало лишь самых преданных делу науки исследователей, в то время как сама история эпидемий фактически оставалась «ничейной землей». В самом конце XIX в. в медицине произошла очередная научная революция — «бактериологическая», творцами которой стали Л. Пастер во Франции и Р. Кох в Германии. Основным завоеванием «бактериологической революции» стала новая, «микробная» теория болезни, благодаря которой врачи стали совершенно по-новому смотреть на причины подавляющего большинства заболеваний. Ничего более значительного со времен самого Гиппократ в медицине не происходило. В самое короткое время медицинская бактериология (микробиология) стала главным ключом к решению почти всех самых важных медицинских вопросов, поэтому овладение дискурсом микробиологии

⁵ Первыми энтузиастами медицинской истории еще в XVIII в. были немецкие врачи И.К.В. Моэзен и К. Шпренгель, причем первый из двух был забыт последующими поколениями историков, тогда как второй многими считается «отцом-основателем» современной медицинской истории. См.: *Lammel H.-U.* To Whom does medical history belong? Johann Moehsen, Kurt Sprengel, and the problem of origins in collective memory // *Locating medical history: the stories and their meanings* / eds F. Huisman, J.H. Warner. Baltimore, 2004. P. 45.

⁶ Ш.-В. Дарамбер придерживался позитивистского принципа «науке — факты, истории — тексты» и рассматривал свою работу по переводу текстов древних врачей как способ восполнить пробелы в образовании современных медиков. Подробнее см.: *Gourevitch D.* Charles Daremberg, his friend Émile Littré, and positivist medical history // *Locating medical history...* P. 65.

⁷ *Hecker J.F.K.* Der schwarze Tod im vierzehnten Jahrhundert: nach den Quellen für Ärzte und gebildete Nichtärzte. Berlin, 1832; *Idem.* Die großen Volkskrankheiten des Mittelalters. Historisch-pathologische Untersuchungen. Gesammelt und in erweiterter Bearbeitung herausgegeben von Dr. August Hirsch. Berlin, 1865; *Гезер Г.* История повальных болезней. Ч. 1–2. СПб., 1867.

⁸ *Минх Г.Н.* Проказа (Lepra Arabum) на юге России. Т. 1. Вып. 1–4. Киев, 1884–1887; *Его же.* Чума в России (Ветлянская эпидемия 1878–1879 гг.). Ч. 1. Киев, 1898; *Генрици А.А.* Холера в России. Воспоминания очевидца. М., 2020.

⁹ А.А. Генрици по долгу службы неоднократно посещал северо-западные и центральные регионы России, где случались вспышки холеры, а Г.Н. Минх участвовал в экспедиции на Ветлянскую эпидемию чумы (1878–1879 гг.), вызвавшую переполох как в самой России, так и в Европе, поскольку властям казалось, что эпидемии чумы ушли в прошлое.

и соответствующими техническими навыками стало важной частью медицинской профессии и медицинского образования. Фигура врача-микробиолога, вооруженного пробирками и микроскопом, не только завоевала симпатии медицинского сообщества, но и попала в самый центр общественного внимания. В этих условиях историк эпидемий, следовавший традициям Гиппократов и Фукидида, стал чем-то вроде исчезающего вида.

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНАЯ ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Следствием «бактериологической революции» в медицине стало революционное обновление историографии эпидемий. Появившееся на этой волне поколение исследователей отныне видело свою задачу в том, чтобы представить совершенно новый способ писать историю: вместо истории болезни, больных и врачей теперь это должна быть история контактов с человеческих популяций с микробами и деятельность «охотников за микробами». Речь тем самым должна была идти о естественнонаучной истории болезни. Неудивительно, что первыми историками новой формации стали выходцы из рядов «охотников за микробами» — врачи-микробиологи.

В России зарождение этой формы историографии эпидемий было связано прежде всего с именами отечественных родоначальников бактериологии. Среди нескольких десятков крупных имен особо следует упомянуть Н.Ф. Гамалею и Д.К. Заболотного. Проводимая ими практическая работа в области борьбы с эпидемиями холеры, чумы и других инфекционных болезней на определенном этапе побудила их обобщить свой опыт¹⁰.

В СССР труд врачей-микробиологов получал всемерную поддержку со стороны власти, поэтому медицинская микробиология и возникшие на ее основе вирусология и эпидемиология не только стали весьма уважаемыми областями медицинского знания, но и особым дисциплинарным пространством, в рамках которого в дальнейшем развивалась вся советская историография эпидемий. Большая часть работ по истории эпидемий была подготовлена не лечащими врачами, но учеными из научных институтов микробиологии, вирусологии и эпидемиологии или руководителями профильных кафедр медицинских вузов. Характерным примером этого являются публикации по истории эпидемий директора Института эпидемиологии и микробиологии Академии медицинских наук (АМН) СССР О.В. Барояна¹¹, а также заведующего кафедрой эпидемиологии Одесского медицинского института К.Г. Васильева¹². В трудах советских исследователей¹³ акцент делался на истории создания отечественной противоэпидемической системы, которая на протяжении большей части XX в. оставалась наиболее эффективной в мире.

Похожим образом на протяжении значительной части XX в. развивалась историография эпидемий в Германии, Франции, Великобритании, США и других странах. В США, где многие врачи-микробиологи были выходцами из Европы, наиболее значительными фигурами в области естественнонаучной истории в этот период стали Х. Цинссер, П. де Крюи, Р. Дюбо. Их исследования по истории эпидемий приобрели

¹⁰ Гамалея Н.Ф. Холера и борьба с нею // *Его же. Собрание сочинений*. Т. 1. М., 1956. С. 139–219; Заболотный Д.К. Чума. Эпидемиология, патогенез и профилактика // *Избранные труды*. Т. 1. Киев, 1956. С. 115–205.

¹¹ Бароян О.В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М., 1968; *Его же. Эпидемиология: вчера, сегодня, завтра*. М., 1985; *Его же. Закономерности и парадоксы: Раздумья об эпидемиях и иммунитете, о судьбах ученых и их труде*. М., 1986.

¹² Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. М., 1960; Васильев К.Г. История эпидемий и борьба с ними в России в XX столетии. М., 2001.

¹³ Павловский Е.Н. Бессменные дозоры (Рассказы о работах советских медиков по борьбе с природно-очаговыми заболеваниями). М., 1963; Лотова Е.И., Идельчик Х.И. Борьба с инфекционными болезнями в СССР (1917–1967): очерки истории. М., 1967; Токаревич К.Н., Грекова Т.И. По следам минувших эпидемий. Л., 1986.

популярность не только у себя в стране, но и далеко за ее пределами¹⁴. В опубликованных ими работах говорилось о месте и роли микробов в живой природе, особенностях их взаимодействия с людьми и животными, а также последствиях этого взаимодействия — медицинских, социальных, исторических. Героями этих повествований обычно становились великие «охотники за микробами», а также те или иные значимые исторические личности — правители, полководцы, деятели искусства, оказавшиеся жертвами микробов. Шла в этих работах речь и о значимых исторических ситуациях, которые развивались по совершенно иному пути, вследствие вмешательства со стороны болезнетворных агентов.

Подходы к написанию истории эпидемий, разработанные в первой половине XX в., во многом сохранились и в последующие десятилетия. Некоторая новизна заключалась лишь в том, что авторы этих работ — микробиологи, вирусологи, эпидемиологи — стали более широко обращаться к социальным, культурным, психологическим и иным сюжетам, не замыкаясь только на естественно-исторической проблематике эпидемий. Последнее обстоятельство стало следствием широкого обмена идеями между представителями разных научных специальностей. Все публикации, выполненные с таких позиций, оценить не представляется возможным. Поэтому есть смысл остановиться только на самых значительных из них, выполненных в относительно недавнее время. Так, вирусолог М. Олдстоун посвятил свою книгу труду ученых, занятых борьбой с полиомиелитом, корью, лихорадкой Эбола и другими инфекциями, а предметом еще одной работы, написанной вместе с вирусологом Х. Копровским, сделал историю «охоты за микробами» — от Л. Пастера до настоящего времени¹⁵. Микробиолог Дж. Лумис представил работу об истории инфекционных болезней — от чумы и оспы до полиомиелита и ВИЧ/СПИД, в которой постарался показать, как эпидемии повлияли на историю, религиозные традиции, социальные отношения и технологии¹⁶. Микробиолог Д. Кроуфорд написала серию книг об истории опасных вирусов и об их преобразующем влиянии на всемирную историю, в том числе о ВИЧ и вирусах, вызывающих онкологические заболевания¹⁷. Микробиолог М.В. Спутницкий представил фундаментальную историю эпидемий чумы от древнейших ее эпизодов до настоящего времени, с рассмотрением как биологических, так и социальных ее аспектов¹⁸. Микробиолог Ж. Пепен, известный своей деятельностью в международных гуманитарных организациях, занятых профилактикой СПИДа, написал работу о ВИЧ, о связанных с ним загадках, о его месте в дикой природе и влиянии на судьбы людей в разных странах, прежде всего в Африке¹⁹. Приведенные примеры не исчерпывают общего списка работ по истории эпидемий, подготовленных врачами-микробиологами. Все эти работы отличает насыщенность естественнонаучными деталями, порой недоступная другим авторам, пишущим на похожие темы.

НОВАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ИСТОРИЯ

В начале XX в., когда началось бурное развитие медицинской микробиологии, лидирующие позиции в сфере историографии эпидемий захватили врачи-микробиологи, находившиеся на переднем крае борьбы с инфекционными болезнями. На их фоне

¹⁴ *Kryou P. de*. Охотники за микробами. Борьба за жизнь. М., 1982; *Dubos R., Dubos J.* The White Plague: Tuberculosis, man and society. New Brunswick (N.J.), 1987; *Zinsser H.* Rats, Lice and History. New York, 2007.

¹⁵ *Koprowski H., Oldstone M.B.A.* Microbe hunters: Then and now. Bloomington (Il.), 1996; *Oldstone M.B.A.* Viruses, plagues, and history: Past, present and future. Oxford, 2000.

¹⁶ *Loomis J.* Epidemics: the impact of germs and their power over humanity. Santa Barbara (Ca), 2020.

¹⁷ См., например: *Crawford D.H.* Deadly companions: How microbes shaped our history. Oxford, 2018.

¹⁸ *Спутницкий М.В., Спутницкая Н.С.* Очерки истории чумы. Ч. 1–2. М., 2006.

¹⁹ *Pepin J.* The origins of AIDS. Cambridge, 2021.

медицинские историки выглядели как исследователи, продолжающие в основном игнорировать историко-эпидемическую проблематику. Это было вызвано тем, что медицинской историей по-прежнему занимались врачи, связанные не с микробиологией и эпидемиологией, а с лечебным делом. Свою задачу они видели в том, чтобы героизировать историю медицинской профессии и подчеркнуть значение опыта своих предшественников.

Благодаря им, любительским опытам по развитию медицинской истории удалось придать профессиональный статус, институционализировать дисциплину. Первые шаги были сделаны еще в 1871 г., когда в Парижском университете Ш.-В. Дарамбер за год до смерти получил кафедру истории медицины²⁰, на которой стал читать курс по истории медицины и хирургии²¹. В 1905 г. в Лейпцигском университете врач К. Зудхофф, увлеченный изучением средневековых медицинских текстов, основал специализированный институт истории медицины и естественных наук. Он подготовил немало выдающихся специалистов, также сделавших предметом своих профессиональных занятий историю медицины. В их числе преемник Зудхоффа в Лейпцигском институте А. Зигерист, который, переехав в США, основал в 1932 г. в Университете Джона Хопкинса еще один институт истории медицины. В 1936 г. в Лондоне при Фонде Генри Велкома появилась третья аналогичная институция. После закрытия Лейпцигского института именно институты в Балтиморе и Лондоне стали главными центрами развития медицинской истории в западном мире.

В СССР развитие медицинской истории получило серьезную государственную поддержку. В 1944 г. в составе АМН СССР был создан Институт организации здравоохранения, медицинской статистики и социальной гигиены, на базе которого развернулись историко-медицинские исследования. В 1948 г. он был преобразован в Институт организации здравоохранения и истории медицины. В советских медицинских вузах началось преподавание специализированных курсов по истории медицины. Вместе с тем вследствие сложившейся к этому времени традиции относить историю эпидемий к сфере ответственности микробиологов и эпидемиологов советские медицинские историки к проблематике эпидемий обращались крайне редко²².

На рубеже 1960 и 1970-х годов в сфере медицинской истории начались изменения. По мере того, как здоровье стало рассматриваться как неотъемлемое право каждого гражданина, внимание общества к проблемам здравоохранения и медицины стало возрастать. В свете этого все больше врачей, включая профессиональных медицинских историков, стало сознавать необходимость установления большего общественного контроля над медицинской профессией. Следствием этого стал поворот к новой форме медицинской истории – социальной истории медицины, сфокусированной не на истории великих докторов, а на обществе и его проблемах²³.

Именно эти процессы привели к тому, что проблематика эпидемий с этих пор заняла важное место в исследованиях медицинских историков. Среди британских историков,

²⁰ *Braunstein J.F. Daremberg et les débuts de l'histoire de la médecine en France // Revue d'histoire des sciences. 2005. Vol. 58. P. 367–387.*

²¹ Впрочем, в XX в. во Франции кафедры истории медицины на медицинских факультетах постепенно пришли в упадок, вследствие чего ситуация во многом вернулась к состоянию середины XIX в. Отмечается, что главной причиной этого стало отсутствие диалога между врачами и профессиональными историками и нерешенность вопроса, кто имеет право писать историю медицины. См.: *Doria C. The right to write the history: disputes over the history of medicine in France – 20th–21st centuries // Transversal: international journal for the historiography of science. 2017. № 3. P. 26–36.*

²² Некоторое исключение в этом плане составляют работы П.Е. Заблудовского и М.Б. Мирского, в которых проблематика истории эпидемий, однако, затронута фрагментарно. См.: *Заблудовский П.Е. Развитие учения о заразных болезнях и книга Фракасторо // Фракасторо Дж. О контакти, contagiозных болезнях и лечении. М., 1954. С. 165–240; Мирский М.Б. Очерки истории медицины в России XVI–XVIII вв. Владикавказ, 1995. С. 33–34.*

²³ О становлении социальной истории медицины см.: *Михель Д.В. Социальная история медицины: становление и проблематика // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 3. С. 295–312.*

связанных с Институтом Генри Велкома, следует упомянуть имена Э. Харди, М. Пеллинг, П. Вайндлинга, М. Харрисона, ставших флагманами в сфере историко-эпидемических исследований²⁴. В США в те же самые годы прорывные работы вышли из-под пера Ч. Розенберга и Ш. Ротман²⁵. Во Франции, где лидерство в осмыслении истории эпидемий философы и социологи, особую роль в изучении истории эпидемий сыграл врач М. Грмек, ставший в 1973 г. директором научного центра по изучению истории биомедицинских наук в Практической школе высших исследований²⁶.

На рубеже XX и XXI вв. число врачей, заинтересованных в развитии новой медицинской истории, выросло. В условиях технократизации медицинской профессии все больше докторов осознали необходимость доверительного диалога с остальной частью общества. Стало больше публикаций по истории эпидемий, выполненных врачами-историками. На рынке книжной продукции их работы заняли собственную нишу.

Так, гастроэнтеролог Ф. Райан сосредоточил внимание на истории туберкулеза в Америке и Европе до и после появления антибиотиков²⁷. Еще одно исследование на подобную тему было выполнено профессором Т. Дэниелом²⁸. Врач Т. Дорманди изложил собственную версию истории туберкулеза, соединив естественнонаучные факты об истории возбудителя этой болезни и историко-литературные сведения о наиболее известных ее жертвах из числа писателей, художников и композиторов²⁹. Иммунолог П. Догерти показал, каким изменениям в ходе истории подвергается иммунитет человека и как пандемии сказываются на развитии экономики, сельского хозяйства и систем безопасности³⁰. Терапевт М. Маккарти представил работу о роли антибиотиков в борьбе с инфекциями и о том, как эволюция лекарственных средств придает новый импульс микробным формам жизни, рождающим новые эпидемии³¹. Невролог В.М. Новоселов в связи с начавшейся эпидемией COVID-19 выпустил книгу о влиянии вирусных заболеваний на продолжительность жизни человеческой популяции, сделав вывод, что распространение эпидемий на Земле стало следствием удлинения периода старости³². Педиатр И.Г. Метелева представила книгу о «Черной смерти» и других эпидемиях, сосредоточив внимание на психологических трансформациях, происходивших с людьми, запертыми в стенах «чумного» города³³. Склонность этих авторов к исследовательской работе позволяет отнести их к числу подлинных энтузиастов новой медицинской истории, пишущих об эпидемиях.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ЭПИДЕМИИ

Вопрос, почему современные профессионалы исторической науки обратились к изучению истории эпидемий, требует особого обсуждения. Так, речь может идти о том, что

²⁴ *Hardy A.* The epidemic streets: Infectious diseases and the rise of preventive medicine, 1856–1900. London, 1993; *Idem.* Health and medicine in Britain since 1860. London, 2000; *Pelling M.* The common lot: Sickness, medical occupations, and the urban poor in Early Modern England. New York, 1998; *Weindling P.* Epidemics and genocide in Eastern Europe, 1890–1945. Oxford, 2000; *Harrison M.* Disease and the Modern world: 1500 to the present day. Cambridge, 2004; *Idem.* Contagion: How commerce has spread disease. New Haven, 2013.

²⁵ *Rosenberg Ch.E.* The cholera years: The United States in 1832, 1849 and 1866. Chicago, 1962; *Idem.* Explaining epidemics and other studies in the history of medicine. Cambridge, 1992; *Rothman S.M.* Living in the shadow of death: Tuberculosis and the social experience of illness in American history. Baltimore, 1995.

²⁶ *Grmek M.D.* Diseases in the Ancient Greek world. Baltimore, 1989; *Idem.* History of AIDS: Emergence and origin of a Modern pandemic. Princeton, 1993.

²⁷ *Ryan F.* The forgotten plague: How the battle against tuberculosis was won – and lost. Boston, 1994.

²⁸ *Daniel T.M.* Captain of death: The story of tuberculosis. Rochester, (N.Y.), 1999.

²⁹ *Dormandy T.* The white death: A history of tuberculosis. New York, 2000.

³⁰ *Doherty P.C.* Pandemics: What everyone needs to know. Oxford, 2013.

³¹ *MacCarthy M.* Superbugs: The race to stop an epidemic. New York, 2019.

³² *Новоселов В.М.* От испанки до covid-19. Хроники нападений вирусов. М., 2020.

³³ *Метелева И.Г.* Бич Божий. История чумы. М., 2020.

на многих историков сильное впечатление произвели работы некоторых философов и социологов, которые на рубеже 1960 и 1970-х годов стали публиковать собственные исследования о проблемах медицинской теории и практики, гигиене и госпиталях, телесности и сексуальности³⁴, что, в свою очередь, вызвало у историков желание проверить их выводы. С другой стороны, причиной растущего интереса историков к эпидемиологической проблематике стали драматические изменения в здравоохранении. В середине 1970-х годов врачам удалось ликвидировать оспу и взять под контроль некоторые другие опасные инфекции, но, несмотря на это, век эпидемий так и не закончился. Всего через несколько лет дал знать о себе СПИД. Затем обнаружили новые формы туберкулеза, стойкие к антибиотикам. Позже последовали новые вспышки холеры, чумы, птичьего гриппа и пр. Эти события вызвали потрясения в общественном сознании и не могли остаться незамеченными профессиональными историками.

В 1970-е годы работы историков в области истории эпидемий были немногочисленны. В 1972 г. Ф. Картрайт и М. Биддис предприняли попытку дать общий обзор всемирной истории эпидемий³⁵. Затем последовала фундаментальная книга У. Мак-Нила об эпидемиях и цивилизациях, в которой доказывалось, что контакты между народами всегда сопровождалась не только распространением товаров и технологий, но и обменом болезнетворными микробами, способными вызывать кризисы в разных частях света³⁶. Почти в те же самые годы вышел еще ряд публикаций, авторы которых попытались проанализировать отдельные эпизоды из истории эпидемий на материалах региональной истории³⁷.

С начала 1980-х годов интеллектуальное лидерство в исследованиях эпидемий захватили американские и британские историки, тогда как историки из других стран, ориентируясь на их опыт, включились в работу позднее. В этом плане отметим лишь некоторых авторов. В 1983 г. Н. Галлахер опубликовала превосходную книгу о роли исламских и европейских институтов здравоохранения в борьбе с эпидемиями в Тунисе³⁸. В 1985 г. Р. Готтфрид написал об истории «Черной смерти» в Европе, сделав акцент на анализе природных и социокультурных аспектов этой эпидемии³⁹. В том же году Д. Херлихи подготовил работу о том, как «Черная смерть» повлияла на установление новых способов контроля за населением, появление университетов, судьбы христианства, а также подъем народной культуры и рост национализма⁴⁰. В 1986 г. Э. Кэрмайлк сообщила о борьбе санитарных служб с чумой в ренессансной Флоренции, утверждая, что местная элита воспринимала болезнь главным образом как «атрибут» бедных слоев населения, и, следовательно, успех властей в борьбе с эпидемиями не зависел напрямую от их теоретической осведомленности⁴¹. Схожую идею предложил и П. Слэк в своем труде о борьбе с эпидемиями в Англии при Тюдорах и Стюартах⁴². Р. Эванс реконструировал историю борьбы с холерой в Гамбурге, сосредоточившись на противоречиях между правительством

³⁴ Во Франции, например, к числу таких авторов следует отнести Ж. Кангилема, М. Фуко, Д. Гуревича, Ж. Леонара, Ж. Вигарелло.

³⁵ *Cartwright F.F., Biddis M.D. Disease and history. New York, 1972.*

³⁶ *McNeill W.H. Plagues and peoples. New York, 1976.*

³⁷ *Cipolla C.M. Cristofano and the plague: A study in the history of public health in the age of Galileo. London, 1973; Dols M.W. The Black Death in the Middle East. Princeton (N.J.), 1977; Hatcher J. Plague, population and the English economy 1348–1530. New York, 1977; Meiss M. Painting in Florence and Siena after the Black Death: The arts, religion, and society in the Mid-fourteenth century. Princeton, 1979.*

³⁸ *Gallagher N.E. Medicine and power in Tunisia, 1780–1900. Cambridge, 1983.*

³⁹ *Gottfried R.S. The Black Death: Natural and human disaster in Medieval Europe. New York, 1985.*

⁴⁰ Эта книга была опубликована спустя более 10 лет, уже после его смерти. См.: *Herlihy D. The Black Death and the transformation of the West. Cambridge (Ma), 1997.*

⁴¹ *Carmichael A.G. Plague and the poor in Renaissance Florence. Cambridge, 1986.*

⁴² *Slack P. The impact of the plague in Tudor and Stuart England. London, 1985.*

и региональной элитой⁴³. В 1989 г. Дж. Кальви описала влияние эпидемий чумы начала XVII в. на религиозные чувства жителей Флоренции, а также попыталась реконструировать различия в реакции на эпидемию между мужчинами и женщинами Нового времени⁴⁴.

В 1990-е годы число подобных исследований выросло. Историки старались не упускать из виду ситуацию не только на Западе, но и в других регионах. В 1992 г. О.Й. Бенедиктов представил книгу о «Черной смерти» в Скандинавии, за которой последовала книга, где описывается ход эпидемии на Кавказе, в Малой Азии и Северной Африке⁴⁵. В том же году вышла коллективная монография, авторы которой анализировали представления разных социальных групп — духовенства, государственных чиновников, крестьян — о так называемых «новых болезнях» — в разные эпохи и в разных частях света⁴⁶. В 1993 г. Д. Арнольд представил работу, в которой указал на связь между британским владычеством в Индии и колониальными санитарно-медицинскими стратегиями в отношении оспы, чумы и холеры. В ней он обратил внимание на то, что западная медицина в Индии играла роль еще одного инструмента колонизации, мало обращая внимание на реальные нужды местного населения⁴⁷. Ш. Уоттс, британский историк, работающий в Африке, написал сравнительное исследование о поведении санитарных властей в Средневековье и Новое время на Западе и в более поздние времена в колониальном мире. Он изобразил западную медицину весьма критически, как инструмент колонизации и поддержания социальной несправедливости⁴⁸. П. Болдуин реконструировал историю борьбы с холерой, сифилисом и оспой в Европе с 1830 по 1930 г., показывая, что борьба с эпидемиями стала важной частью укрепления государственных институтов и одновременно поставила под вопрос демократические традиции. Позже он предпринял еще одно исследование, рассмотрев административно-политические аспекты кампаний против СПИДа в индустриальном мире⁴⁹.

В самом начале 2000-х годов интересное исследование об эпидемии «Черной смерти» выпустил Н. Кантор, показавший ее влияние на изменения в европейской культуре⁵⁰. Д. Ошинский поведал об истории полиомиелита в США⁵¹. Дж. Хейс издал две книги об эпидемиях от античности до XX в., сосредоточив внимание на социальной реакции на эпидемии⁵². М. Дэвис откликнулся своей книгой на эпидемию птичьего гриппа, написав исследование-предостережение⁵³. Алармистский настрой, присущий его книге, стал преобладать в работах по истории эпидемий с середины 2000-х годов. С одной стороны, это усилило интерес к таким работам у читателей, а с другой — стало свидетельством некоторой зависимости части историков от политики СМИ. Интересным явлением в рамках исторической науки начала XXI в. стало стремление отдельных авторов к подведению эпидемических итогов прошедшего столетия, а также

⁴³ *Evans R.* Death in Hamburg: Society and politics in the cholera years, 1830–1910. Oxford, 1987.

⁴⁴ *Calvi G.* Histories of a plague year: The social and imaginary in Baroque Florence. Berkeley, 1989.

⁴⁵ *Benedictow O.J.* Plague in the Late Medieval Nordic countries: Epidemiological studies. Oslo, 1992; *Idem.* The Black Death 1346–1353: The complete history. Woodbridge, 2004.

⁴⁶ *Epidemics and ideas: Essays on the historical perception of pestilence* / eds T. Ranger, P. Slack. Cambridge, 1992.

⁴⁷ *Arnold D.* Colonizing the body: State medicine and epidemic disease in nineteenth-century India. Berkeley, 1993.

⁴⁸ *Watts S.* Epidemics and history: Disease, power and imperialism. New Haven, 1999.

⁴⁹ *Baldwin P.* Contagion and the state in Europe, 1830–1930. Cambridge, 1999; *Idem.* Disease and democracy. The industrialized world faces AIDS. Berkeley, 2005.

⁵⁰ *Cantor N.F.* In the wake of the plague: The Black Death and the world it made. New York, 2001.

⁵¹ *Oshinsky D.M.* Polio: An American story. Oxford, 2006.

⁵² *Hays J.N.* The burdens of disease: Epidemics and human response in Western history. New Brunswick (N.J.), 2000; *Idem.* Epidemics and pandemics: their impacts on human history. Santa Barbara (Ca), 2005.

⁵³ *Davis M.* The monster at our door: The global threat of avian flu. New York, 2005.

возвращение к его наиболее драматическим эпизодам, таким как «испанский грипп». Это оказалось характерно для работ М. Хонигсбаума⁵⁴. Приближавшийся столетний «юбилей» «испанки» стал темой работ и некоторых других историков⁵⁵.

Российские историки к проблематике истории эпидемий обратились позже своих зарубежных коллег. Главными результатами этой работы в настоящее время являются в основном статьи и доклады на конференциях. Однако появились и некоторые монографические исследования, носящие, как правило, обобщающий характер. Таковы работы Ю.Е. Арнаутовой, К.А. Богданова, Д.В. Михеля, Л.М. Медведевой⁵⁶.

Особенностью исследований современных историков стало обращение к фукидидовой модели восприятия эпидемии как масштабного социального кризиса, связанного с нарушением привычного порядка жизни и хаотизации социальной реальности. При рассмотрении различных эпизодов истории эпидемии современные историки часто обращаются к разнообразному естественнонаучному материалу, однако эти данные не являются преобладающими⁵⁷. Традиционно большое внимание уделяется наиболее масштабным эпидемическим бедствиям, изменившим ход истории конкретных стран, обществ и цивилизаций, таких как «афинская чума», «Черная смерть», «испанка». В связи с распространением пандемии COVID-19 число публикаций историков об эпидемиях продолжает расти, и уже не представляется возможным оценить все новейшие работы. Для современных специалистов история эпидемий – это неотъемлемая часть истории общества, его социальной, культурной и политической жизни.

ЭПИДЕМИИ В ФОКУСЕ ПОПУЛЯРНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Интенсивное развитие СМИ и появление Интернета привело к общему оживлению интеллектуально-литературного творчества в последние два десятилетия. Повлияло это и на состояние современной историографии эпидемий. Об истории эпидемий все чаще стали писать не только врачи и профессиональные историки, но и представители других специальностей, а также журналисты. Публикации, выходящие из-под их пера, обычно отличаются живостью стиля и эмоциональностью и, как правило, имеют отношение лишь к наиболее «резонансным» эпизодам всемирной истории эпидемий – истории «Черной смерти», «испанки», птичьего гриппа.

Первопроходцем в сфере популярной историографии эпидемий стал американский географ А. Кросби, который к 500-летию юбилею открытия Америки написал книгу о последствиях «колумбова обмена» для коренных народов Нового Света. В ней он заявил, что причиной быстрого завоевания Америки европейцами стали среди прочего их невидимые союзники – возбудители кори, оспы и других инфекций, против которых индейцы не имели иммунитета. Кросби пришел к выводу, что открытие Америки привело к вымиранию 95% коренного населения⁵⁸.

В начале XXI в. количество публикаций в рамках популярной историографии эпидемий возросло, мы же обратим внимание только на самые заметные. Так, в 2001 г. журналистка Дж. Колата издала эмоциональную книгу про эпидемию «испанки», обнародовав факты,

⁵⁴ *Honigsbaum M.* Living with Enza: The forgotten story of Britain and Great Flu pandemic of 1918. New York, 2009; *Idem.* The pandemic century: One hundred years of panic, hysteria and hubris. London, 2019.

⁵⁵ *Bristow N.K.* American pandemic: The lost worlds of the 1918 influenza epidemic. Oxford, 2012.

⁵⁶ *Арнаутова Ю.Е.* Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. СПб., 2004; *Богданов К.А.* Врачи, пациенты, читатели: патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М., 2005; *Михель Д.В.* Болезнь и всемирная история. Саратов, 2009; *Медведева Л.М.* Болезнь в культуре и культура болезни. Волгоград, 2013.

⁵⁷ *Harper K.* The fate of Rome: Climate, disease, and the end of an empire. Princeton, 2017.

⁵⁸ *Crosby A.W.* The Columbian exchange: Biological and cultural consequences of 1492. Westport (Ct), 1972. Работа Кросби стала образцом для других исследований в этой области. Например, см.: *Diamond J.M.* Guns, germs, and steel: The fates of human societies. New York, 2005.

относящиеся к США, Норвегии, Гонконгу и другим частям света⁵⁹. В 2005 г. писатель Дж. Барри опубликовал еще одну работу об «испанке», сосредоточившись на событиях в западном мире⁶⁰. К столетнему юбилею «испанки» журналистка Л. Спинни подготовила книгу о том, как она сказалась на жизнях знаменитых людей — Франца Кафки, Махатмы Ганди, короля Испании Альфонса XIII, а также на судьбах обитателей нью-йоркских трущоб. Ей удалось привлечь большое число нарративных источников, в том числе воспоминания тех людей, у которых восприятие об этой эпидемии были связаны с рассказами их родителей⁶¹. Психолог К. Арнольд вновь вернулась к «испанке», представив еще один эмоциональный образ одной из самых больших эпидемий XX в.⁶²

Начало XXI в., совпавшее с новым витком эпидемий холеры, птичьего гриппа, атипичной пневмонии и, наконец, нынешней коронавирусной инфекции, вызвало очередной всплеск публикации актуальной информации. Журналист К.Т. Гринфилд представил книгу об эпидемии птичьего гриппа, в которой разоблачительные сюжеты сочетаются с алармистскими заявлениями. Автор предостерегает западный мир от того, чтобы доверять данным китайских властей, которые, по его мнению, скрывают сведения об эпидемических опасностях, что исходят из материкового Китая⁶³. Его коллега А. Сиппресс провел журналистское расследование в девяти странах Юго-Восточной Азии, итогом которого стали выводы, что именно в этом регионе мира вызревают «зерна» будущих смертоносных эпидемий, готовых обрушиться на остальной мир в ближайшие годы⁶⁴. Журналистка С. Шах в своей алармистской работе о холере акцентировала внимание читателей на проблемах международного сотрудничества и необходимости для развитых стран помочь развивающимся странам в их борьбе с эпидемиями, поскольку и сам западный мир имеет много неудач на этом поприще⁶⁵.

В России публикации популяризаторов истории эпидемий также стали заметным явлением культуры. Писатель А.В. Бодров в книге об истории эпидемий охарактеризовал естественнонаучные аспекты ряда инфекций и представил краткий свод наиболее значимых сведений о демографических, социальных и культурных последствиях эпидемий за трехтысячелетний период⁶⁶. Журналисты А.С. Паевский и А.Н. Хоружая написали дилогию о чуме и холере, сосредоточив внимание на необычных фактах истории, связанных с этими опасными болезнями⁶⁷. Характерно, что все последние публикации были в той или иной степени приурочены к последним эпидемическим происшествиям и вышли на книжный рынок как работы алармистского и/или разоблачительного содержания.

В целом уровень работ, написанных с позиций популярной историографии, неизменно растет. Их авторы для обоснования своих выводов привлекают разнообразные источники, ссылаются на архивные материалы, широко используют интервью со специалистами и людьми, имеющими отношение к описываемым событиям. Качественные различия между исследованиями профессионалов и любителей практически отсутствуют. Однако в отличие от профессиональных историков и врачей популяризаторы истории эпидемий почти не обращаются к тем сюжетам, которые остаются за пределами мейнстрима, — а это, надо признать, весьма значительная часть всемирной истории эпидемий.

⁵⁹ Kolata G. Flu: The story of the Great Influenza Pandemic of 1918 and the search for the virus that caused it. New York, 2001.

⁶⁰ Barry J.M. The Great Influenza: The story of the deadliest pandemic in history. New York, 2005.

⁶¹ Spinney L. Pale riders: The Spanish Flu of 1918 and how it changed the world. New York, 2018.

⁶² Arnold C. Pandemic 1918: Eyewitness accounts from the Greatest Medical Holocaust in Modern history. New York, 2020.

⁶³ Greenfeld K.T. China syndrome: The true story of the 21st century's first great epidemic. New York, 2007.

⁶⁴ Sipress A. The fatal strain: on the trail of avian flu and the coming pandemic. New York, 2009.

⁶⁵ Shah S. Pandemic: tracking contagions, from cholera to Ebola and beyond. New York, 2016.

⁶⁶ Бодров А.В. История эпидемий. От черной чумы до COVID-19. М., 2020.

⁶⁷ Паевский А.С., Хоружая А.Н. Вообще чума! История болезней от лихорадки до Паркинсона. М., 2018; Их же. Вот холера. История болезней от сифилиса до проказы. М., 2020.

Библиография / References

- Алексеев А.Н.* О так называемой чуме в Афинах // *Вестник древней истории*. 1966. № 3. С. 127–142.
- Арнаутова Ю.Е.* Колдуны и святые: антропология болезни в средние века. СПб., 2004.
- Бароян О.В.* Закономерности и парадоксы: Раздумья об эпидемиях и иммунитете, о судьбах ученых и их труде. М., 1986.
- Бароян О.В.* Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые актуальные вопросы современной эпидемиологии. М., 1968.
- Бароян О.В.* Эпидемиология: вчера, сегодня, завтра. М., 1985.
- Богданов К.А.* Врачи, пациенты, читатели: патогrafические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М., 2005.
- Бодров А.В.* История эпидемий. От черной чумы до COVID-19. М., 2020.
- Васильев К.Г.* История эпидемий и борьба с ними в России в XX столетии. М., 2001.
- Васильев К.Г., Сегал А.Е.* История эпидемий в России. М., 1960.
- Гамалея Н.Ф.* Собрание сочинений. Т. 1. М., 1956. С. 139–219.
- Гезер Г.* История повальных болезней. Ч. 1–2. СПб., 1867.
- Генрици А.А.* Холера в России. Воспоминания очевидца. М., 2020.
- Заблудовский П.Е.* Развитие учения о заразных болезнях и книга Фракасторо // *Фракасторо Дж.* О контактии, contagiозных болезнях и лечения. М., 1954. С. 165–240.
- Заболотный Д.К.* Чума. Эпидемиология, патогенез и профилактика // *Избранные труды: в 2-х т.* Т. 1. Киев, 1956. С. 115–205.
- Крюи П. де.* Охотники за микробами. Борьба за жизнь. М., 1982.
- Лотова Е.И., Идельчик Х.И.* Борьба с инфекционными болезнями в СССР (1917–1967): очерки истории. М., 1967.
- Медведева Л.М.* Болезнь в культуре и культура болезни. Волгоград, 2013.
- Метелева И.Г.* Бич Божий. История чумы. М., 2020.
- Минх Г.Н.* Проказа (Lepa Agabum) на юге России. Т. 1. Вып. 1–4. Киев, 1884–1887.
- Минх Г.Н.* Чума в России (Ветлянская эпидемия 1878–1879 гг.). Ч. 1. Киев, 1898.
- Мирский М.Б.* Очерки истории медицины в России XVI–XVIII вв. Владикавказ, 1995.
- Михель Д.В.* Болезнь и всемирная история. Саратов, 2009.
- Михель Д.В.* Социальная история медицины: становление и проблематика // *Журнал исследований социальной политики*. 2009. Т. 7. № 3. С. 295–312.
- Новоселов В.М.* От испанки до covid-19. Хроники нападений вирусов. М., 2020.
- Павловский Е.Н.* Бессменные дозоры (Рассказы о работах советских медиков по борьбе с природно-очаговыми заболеваниями). М., 1963.
- Паевский А.С., Хоружая А.Н.* Вообще чума! История болезней от лихорадки до Паркинсона. М., 2018.
- Паевский А.С., Хоружая А.Н.* Вот холера. История болезней от сифилиса до проказы. М., 2020.
- Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С.* Очерки истории чумы. Ч. 1–2. М., 2006.
- Токаревич К.Н., Грекова Т.И.* По следам минувших эпидемий. Л., 1986.
- Alexeev A.N.* O tak nazuyemoy chume v Afinakh [About the so-called plague in Athens] // *Vestnik Drevnei istorii* [Journal of Ancient history]. 1966. № 3. S. 127–142. (In Russ.)
- Arnautova Yu.E.* Kodluny I svyatye: antropologiya boleznii v srednie veka [Sorcerers and Saints: the anthropology of disease in the Middle Ages]. Sankt-Peterburg, 2004. (In Russ.)
- Baroyan O.V.* Itogi poluvekovoi bor'by s infektsiyamiv SSSR i nekotorye aktual'nye voprosy sovremennoi epidemiologii [The results of half a century of fighting infections in the USSR and some topical issues of modern epidemiology]. Moskva, 1968. (In Russ.)
- Baroyan O.V.* Epidemiologiya: vchera, segodnya, zavtra [Epidemiology: yesterday, today, tomorrow]. Moskva, 1985. (In Russ.)
- Baroyan O.V.* Zakonomernosti i paradoksy: razumiya ob epidemiyakh i immunitete, o sud'bakh uchenykh i ikh trude [Regularities and paradoxes: Reflections on epidemics and immunity, on the fate of scientists and their work]. Moskva, 1986. (In Russ.)
- Bodrov A.V.* Istoriya epidemii. Ot chernoii chumy do COVID-19 [History of epidemics. From the black plague to COVID-19]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Bogdanov K.A.* Vrachii, patsienty, chitateli: patograficheskie teksty russkoi kul'tury XVIII–XIX vekov [Doctors, patients, readers: pathographic texts of Russian culture of the 18th–19th centuries]. Moskva, 2005. (In Russ.)
- Gamaleia N.F.* Sbranie sochinenii [Collected works]. Vol. 1. Moskva, 1956. S. 139–219. (In Russ.)
- Genritsi A.A.* Kholera v Rossii. Vospominaniya ochevidtsa [Kholera in Russia. Eyewitness memories]. Moskva, 2020. (In Russ.)

- Haeser H.* Istoriya poval'nykh boleznei [Geschichte der epidemischen Krankheiten]. Pt. 1–2. Sankt-Peterburg, 1867. (In Russ.)
- Kruif P. de.* Okhotniki za mikrobnami. Bor'ba za zhizn' [Microbe hunters. Fight for life]. Moskva, 1982. (In Russ.)
- Lotova E.I., Idel'chik Kh.I.* Bor'ba s infektsionnymi boleznyami v SSSR (1917–1967): ocherki istorii [The fight against infectious diseases in the USSR (1917–1967): essays on history]. Moskva, 1967. (In Russ.)
- Medvedeva L.M.* Bolezn' v kul'ture i kul'tura bolezni [Disease in culture and culture of disease]. Volgograd, 2013. (In Russ.)
- Meiteleva I.G.* Bich Bozhii. Istoriya chumy [Scourge of God. A history of plague]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Mikhel D.V.* Bolezn' i vseмирnaya istoriya [Disease and world history]. Saratov, 2009. (In Russ.)
- Mikhel D.V.* Sotsial'naya istoriya meditsiny: stanovlenie i problematika [Social history of medicine: formation and problems] // Zhurnal issledovaniy social'noi politiki [Journal of social policy studies]. 2009. Vol. 7. № 3. S. 295–312. (In Russ.)
- Minkh G.N.* Chuma v Rossii (Vetlyanskaya epidemiya 1878–1879 g.) [Plague in Russia (Vetlyanskaya epidemic 1878–1879)]. Part 1. Kiev, 1898. (In Russ.)
- Minkh G.N.* Prokaza (Lepra Arabum) na yuge Rossii [Leprosy (Lepra Arabum) in southern Russia]. Vol. 1. Iss. 1–4. Kiev, 1884–1887. (In Russ.)
- Mirskii M.B.* Ocherki istorii meditsiny v Rossii XVI–XVIII vv. [Essays on the history of medicine in Russia in the 16th–18th centuries]. Vladikavkaz, 1995. (In Russ.)
- Novoselov V.M.* Ot ispanki do covid-19. Khroniki napadenii virusov [From Spanish to covid-19. Chronicle of virus attacks]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Paevskii A.S., Khoruzhaya A.N.* Voobshche chuma! Istoriya boleznei ot likhoradki do Parkinsona [Generally a plague! A history of diseases from fever to Parkinson's]. Moskva, 2018. (In Russ.)
- Paevskii A.S., Khoruzhaya A.N.* Vot lholera. Istoriya boleznei ot sifilisa do prokazy [Here is cholera. A history of diseases from syphilis to leprosy]. Moskva, 2020. (In Russ.)
- Pavlovskii E.N.* Bessmennye dozory (Rassakazy o rabotakh sovetskikh medikov po bor'be s prirodno-ochagovymi zabolevaniyami [Permanent patrols (Stories about the work of Soviet doctors in the fight against natural focal diseases)]. Moskva, 1963. (In Russ.)
- Supotnitskii M.V., Supotniatskaya N.S.* Ocherki istorii chumy [Essays on the history of the plague]. Vol. 1–2. Moskva, 2006. (In Russ.)
- Tokaevich K.N., Grekova T.I.* Po sledamminuvashikh epidemii [In the footsteps of past epidemics]. Leningrad, 1986. (In Russ.)
- Vasiliev K.G.* Istoriya epidemii i bor'ba s nimi v Rossii v XX stoletii [The history of epidemics and the fight against them in Russia in the 20th century]. Moskva, 2001. (In Russ.)
- Vasiliev K.G., Segal A.E.* Istoriya epidemii v Rossii [History of epidemics in Russia]. Moskva, 1960. (In Russ.)
- Zabludovskii P.E.* Razvitie ucheniya o zaraznykh boleznyakh i kniga Fracastoro [Development of the doctrine of infectious diseases and the book of Fracastoro] // *Fracastoto J.* O kontagii, kontagioznykh boleznyakh i lechenii [About contagion, contagious diseases and treatment]. Moskva, 1954. S. 165–240. (In Russ.)
- Zabolotnyi D.K.* Chuma. Epidemiologiya, patogenez i profylaktika [Plague. Epidemiology, pathogenesis and prevention] // Izbrannye trudy [Selected works]. Vol. 1. Kiev, 1956. S. 115–205. (In Russ.)
- Arnold C.* Pandemic 1918: Eyewitness accounts from the Greatest Medical Holocaust in Modern history. New York, 2020.
- Arnold D.* Colonizing the body: State medicine and epidemic disease in nineteenth-century India. Berkeley, 1993.
- Baldwin P.* Contagion and the state in Europe, 1830–1930. Cambridge, 1999.
- Baldwin P.* Disease and democracy. The industrialized world faces AIDS. Berkeley, 2005.
- Barry J.M.* The Great Influenza: The story of the deadliest pandemic in history. New York, 2005.
- Benedictow O.J.* Plague in the Late Medieval Nordic countries: Epidemiological studies. Oslo, 1992.
- Benedictow O.J.* The Black Death 1346–1353: The complete history. Woodbridge, 2004.
- Braunstein J.F.* Daremberg et les débuts de l'histoire de la médecine en France // *Revue d'histoire des sciences.* 2005. Vol. 58. P. 367–387.
- Bristow N.K.* American pandemic: The lost worlds of the 1918 influenza epidemic. Oxford, 2012.
- Calvi G.* Histories of a plague year: The social and imaginary in Baroque Florence. Berkeley, 1989.
- Cantor N.F.* In the wake of the plague: The Black Death and the world it made. New York, 2001.
- Carmichael A.G.* Plague and the poor in Renaissance Florence. Cambridge, 1986.
- Cartwright F.F., Biddis M.D.* Disease and history. New York, 1972.
- Cipolla C.M.* Cristofano and the plague: A study in the history of public health in the age of Galileo. London, 1973.
- Crawford D.H.* Deadly companions: How microbes shaped our history. Oxford, 2018.
- Crosby A.W.* The Columbian exchange: Biological and cultural consequences of 1492. Westport (Ct), 1972.

- Daniel T.M.* Captain of death: The story of tuberculosis. Rochester (N.Y.), 1999.
- Davis M.* The monster at our door: The global threat of avian flu. New York, 2005.
- Diamond J.M.* Guns, germs, and steel: The fates of human societies. New York, 2005.
- Doherty P.C.* Pandemics: What everyone needs to know. Oxford, 2013.
- Dols M.W.* The Black Death in the Middle East. Princeton (N.J.), 1977.
- Doria C.* The right to write the history: disputes over the history of medicine in France – 20th–21st centuries // *Transversal: international journal for the historiography of science*. 2017. № 3. P. 26–36.
- Dormandy T.* The white death: A history of tuberculosis. New York, 2000.
- Dubos R., Dubos J.* The white plague: Tuberculosis, man and society. New Brunswick (N.J.), 1987.
- Epidemics and ideas: Essays on the historical perception of pestilence / eds T. Ranger, P. Slack. Cambridge, 1992.
- Evans R.* Death in Hamburg: Society and politics in the cholera years, 1830–1910. Oxford, 1987.
- Gallagher N.E.* Medicine and power in Tunisia, 1780–1900. Cambridge, 1983.
- Gottfried R.S.* The Black Death: Natural and human disaster in Medieval Europe. New York, 1985.
- Greenfeld K.T.* China syndrome: The true story of the 21st century's first great epidemic. New York, 2007.
- Hardy A.* The epidemic streets: Infectious diseases and the rise of preventive medicine, 1856–1900. London, 1993.
- Harper K.* The fate of Rome: Climate, disease, and the end of an empire. Princeton, 2017.
- Harrison M.* Contagion: How commerce has spread disease. New Haven, 2013.
- Harrison M.* Disease and the modern world: 1500 to the present day. Cambridge, 2004.
- Hatcher J.* Plague, population and the English economy 1348–1530. New York, 1977.
- Hays J.N.* Epidemics and pandemics: their impacts on human history. Santa Barbara (Ca), 2005.
- Hays J.N.* The burdens of disease: Epidemics and human response in Western history. New Brunswick (N.J.), 2000.
- Hecker J.F.C.* De peste Antoniniana. Berolini, 1835.
- Hecker J.F.K.* Der schwarze Tod im vierzehnten Jahrhundert: nach den Quellen für Ärzte und gebildete Nichtärzte. Berlin, 1832.
- Hecker J.F.K.* Die großen Volkskrankheiten des Mittelalters. Historisch-pathologische Untersuchungen. Gesammelt und in erweiterter Bearbeitung herausgegeben von Dr. August Hirsch. Berlin, 1865.
- Herlihy D.* The Black Death and the transformation of the West. Cambridge (Ma), 1997.
- Honigsbaum M.* Living with Enza: The forgotten story of Britain and Great Flu pandemic of 1918. New York, 2009.
- Honigsbaum M.* The pandemic century: One hundred years of panic, hysteria and hubris. London, 2019.
- Hornblower S.* A commentary on Thucydides. Vol. I. Books I–III. Oxford, 2003.
- Kolata G.* Flu: The story of the Great Influenza pandemic of 1918 and the search for the virus that caused it. New York, 2001.
- Koprowski H., Oldstone M.B.A.* Microbe hunters: Then and now. Bloomington (Il), 1996.
- Locating medical history: the stories and their meanings / eds F. Huisman, J.H. Warner. Baltimore, 2004.
- Loomis J.* Epidemics: the impact of germs and their power over humanity. Santa Barbara (Ca), 2020.
- MacCarthy M.* Superbugs: The race to stop an epidemic. New York, 2019.
- McNeill W.H.* Plagues and peoples. New York, 1976.
- Meiss M.* Painting in Florence and Siena after the Black Death: The arts, religion, and society in the Mid-fourteenth century. Princeton, 1979.
- Oldstone M.B.A.* Viruses, plagues, and history: Past, present and future. Oxford, 2000.
- Oshinsky D.M.* Polio: An American story. Oxford, 2006.
- Pelling M.* The common lot: Sickness, medical occupations, and the urban poor in Early Modern England. New York, 1998.
- Pepin J.* The origins of AIDS. Cambridge, 2021.
- Porter R.* The greatest benefit to mankind: A medical history of humanity. New York, 1999.
- Rosenberg Ch.E.* Explaining epidemics and other studies in the history of medicine. Cambridge, 1992.
- Rosenberg Ch.E.* The cholera years: The United States in 1832, 1849 and 1866. Chicago, 1962.
- Rothman S.M.* Living in the shadow of death: Tuberculosis and the social experience of illness in American history. Baltimore, 1995.
- Ryan F.* The forgotten plague: How the battle against tuberculosis was won – and lost. Boston, 1994.
- Shah S.* Pandemic: tracking contagions, from cholera to Ebola and beyond. New York, 2016.
- Sipress A.* The fatal strain: on the trail of avian flu and the coming pandemic. New York, 2009.
- Slack P.* The Impact of the plague in Tudor and Stuart England. London, 1985.
- Spinney L.* Pale riders: The Spanish Flu of 1918 and how it changed the world. New York, 2018.
- Watts S.* Epidemics and history: Disease, power and imperialism. New Haven, 1999.
- Weindling P.* Epidemics and Genocide in Eastern Europe, 1890–1945. Oxford, 2000.
- Zinsser H.* Rats, lice and history. New York, 2007.